

УДК 342.8

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-535-543

Подфункция наблюдения функции общественного контроля: понятийно-содержательные аспекты

Киреев К.П.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

1187014@bsu.edu.ru

Аннотация. В рамках современных конституционно-правовых отношений, как вытекает из их базового значения в правовой системе, объективно присуще функциональное многообразие. В числе одного из распространенных направлений деятельности субъектов различной правовой природы является наблюдение. Несмотря на его повсеместность в практической плоскости, в юридической науке до настоящего времени отсутствуют систематизированные знания о понятии, правовой сущности, сопоставлении со смежными правовыми явлениями, ретроспективном развитии, зарубежном опыте и субъектах реализации. В этой связи цель данной работы состоит в содержательной корреляции наблюдения с известными и общепризнанными функциями институтов гражданского общества (в частности, с общественным контролем). Результатом исследования явилась авторская дефиниция подфункции наблюдения как составной части функции общественного контроля; предложения, направленные на законодательное совершенствование функционала наблюдения в России (в частности, Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»).

Ключевые слова: гражданское общество, наблюдатели, народный контроль, правовой механизм, гражданский контроль

Для цитирования: Киреев К.П. 2024. Подфункция наблюдения функции общественного контроля: понятийно-содержательные аспекты. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(3): 535–543. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-535-543

The Subfunction of Observation of the Public Control Function: Conceptual and Substantive Aspects

Kirill P. Kireev

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation

1187014@bsu.edu.ru

Abstract. Functional diversity is objectively inherent in contemporary constitutional and legal relations, which stems from their basic meaning in the legal system. One of the most common areas of activity for subjects of various legal nature is surveillance. Despite its ubiquity in the practical plane, legal science still lacks systematic knowledge about the concept, legal essence, comparison with related legal phenomena, retrospective development, foreign experience and subjects of implementation. In this regard, the purpose of this work is to meaningfully correlate surveillance with well-known and generally recognized functions of civil society institutions (in particular, with public control). The result of the study was the author's definition of the surveillance subfunction as an integral part of the public control function, and proposals aimed at legislative improvement of the surveillance functionality in Russia (Federal Law No. 212-FZ dated July 21, 2014 “On the Basics of Public Control in the Russian Federation”).

© Киреев К.П., 2024

Keywords: civil society, observers, people's control, legal mechanism, civil control

For citation: Kireev K.P. 2024. The Subfunction of Observation of the Public Control Function: Conceptual and Substantive Aspects. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 535–543 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-535-543

Введение

В настоящее время общественный контроль, полагаем объективно, расценивают как «важнейшую форму взаимодействия общества и государства» [Ушаков, 2023, с. 212-219]; позволяющую «совершенствовать существующую структуру государственного управления, выстраивать систему обратной связи между государством и обществом; соблюдать прав и свобод граждан, защищать общественные интересы и способствовать формированию активного гражданского сознания» [Лапшина, 20143, с. 137-142].

В этой связи государство должно минимально влиять на общественный контроль, так как «именно государство является объектом общественного контроля, и такое положение может привести существенную долю субъективизма в построение данного института» [Зубарев, 2011, с. 7-13].

Общественный контроль относится к тем понятиям, по поводу которых не прекращается дискуссия в науке при имеющемся легальном определении.

Конституционно-правовые основы общественного контроля непосредственно не формализованы в качестве таковых, но интерпретационно выводимы из совокупности положений. В частности, из «принципов демократии и народовластия, что включают в содержание [общественного контроля] субъективное право народа как носителя государственного суверенитета и единственного источника власти» [Ушаков, 2023, с. 212-219]. Кроме того, в числе конституционно-правовых норм, составляющих основу общественного контроля, называют ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 32, ст. 33 и ч. 2 ст. 45 [Ушаков, 2023, с. 212-219], конкретизированные специальным законодательством.

Разрабатывая авторскую теорию наблюдения в конституционно-правовых отношениях, уточним, что в числе заявленного функционала его реализации выступают субъекты различной правовой природы. Целью данной работы является содержательное сопоставление действий в рамках наблюдения с известными и общепризнанными функциями институтов гражданского общества, в частности общественным контролем.

Общественный контроль: легализованный и доктринальные подходы

Заметим, что в советский период наличествовал опыт непосредственной формализации народного контроля. Так, «Советы народных депутатов образовывали органы народного контроля, сочетающего государственный контроль с общественным контролем трудящихся на предприятиях, в колхозах, учреждениях и организациях» (ст. 92)¹. В Конституции РСФСР 1978 г. с внесенными изменениями подобного рода норма уже отсутствовала, но термин еще употреблялся в ст. 9. В частности, «основным направлением развития политической системы советского общества является дальнейшее развертывание социалистической демократии: все более широкое участие граждан в управлении делами государства и общества, совершенствование государственного аппарата, повышение активности общественных организаций, усиление *народного контроля*, укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, расширение гласности, постоянный учет общественного мнения»². Как видим, по

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик принята ВС СССР 07.10.1977 // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

² Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России принята ВС РСФСР 12.04.1978 // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

содержанию это специальная норма, которая была посвящена взаимодействию общества и государства, в том числе с позиции контроля за последним.

В настоящее время законодательно установленным является следующее определение общественного контроля: «деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений (ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»¹).

Что касается доктринальных изысканий – они многообразны и условно могут быть разделены на несколько подходов. Самый широкий комплексный подход отождествляет общественный контроль с механизмом / механизмами. Как считают, В.В. Гончаров и Л.И. Ковалева под общественным контролем понимают «механизм осуществления обществом в целом или его отдельными индивидами учета и оценки формирования и функционирования общественных институтов, включая государственную власть, с целью оптимизации их деятельности, выступающий в роли индикатора определения эффективности и результативности данного воздействия» [Гончаров, Ковалева, 2023, с. 72]. На наш взгляд, представляется неоднозначной формулировка «включая государственную власть». Это включение государственной власти в общественные институты или же перечисление государственной власти в качестве объекта контроля наряду с общественными институтами? По этой причине критически оцениваем содержание приведенного определения.

Здесь приведем мнение Г.Н. Комковой и Е.В. Бердниковой об общественном контроле как «системе процедур и механизмов, предполагающих наблюдение и анализ деятельности объектов со стороны институтов гражданского общества и осуществляемых с целью выявления нормативных отклонений в процессе функционирования властных органов и поддержания либо восстановления нарушенных правовых установлений» [Комкова, Бердникова, 2019, с. 11].

С.М. Зубарев соотносит общественный контроль с деятельностью только в отношении государственных институтов, не называя муниципальную власть (объектно-усеченный подход). С позиции ученого общественный контроль – это «системная деятельность уполномоченных институтов гражданского общества и отдельных граждан по установлению соответствия функционирования государственных органов нормативно-правовым стандартам и корректированию выявленных отклонений посредством обращения в уполномоченные государственные органы либо к общественному мнению» [Зубарев, Бердникова, 2011, с. 7]. Интересно, что, по мнению ученого, в состав контроля входят конкретные действия по корректированию выявленных отклонений. Полагаем, корректирование выявленных отклонений – это всегда наиболее предпочтительный благоприятный вариант реализации контрольной функции. На этом же делает акцент и О.С. Забралова, представляя «общественный контроль деятельностью гражданского общества и его отдельных граждан, цель которой направлена на установление соответствия законодательным требованиям и общественным интересам действий и решений органов публичной власти, а также на последующую коррекцию выявленных отклонений» [Забралова, 2012, с. 13]. На наш взгляд, высказанные мнения можно систематизировать в рамках коррекционного подхода, который по содержанию выходит за пределы контроля.

¹ Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4213; 2024. № 1 (часть I). Ст. 64.

В сопоставимом содержательном ключе определение, данное А.Е. Мануйловым с дополнением обязательного критерия реализации общественного контроля, – «широкий доступ к информационным ресурсам». Таким образом, общественный контроль определен как «осуществляемая в условиях широкого доступа к информационным ресурсам деятельность субъектов гражданского общества по наблюдению за деятельностью органов государственной власти, органов государства, организаций, ее анализу и последующему реагированию на выявленные нарушения с целью обеспечения законности и правопорядка в обществе» [Мануйлов, 2016, с. 19-23]. В качестве положительно аспекта дефиниции отметим заявленную телеологию.

Нами в юридической литературе установлено определение общественного контроля с позиции субъектно-усеченного подхода: «наблюдение и проверка со стороны граждан в отношении деятельности органов власти с целью соблюдения и реализации конституционных принципов» [Старчикова, 2014, с. 8]. В этой формулировке отсутствует указание на институты гражданского общества или же гражданское общество.

Как видим, в приведенном многообразии доктринальные определения содержательно разнятся с легализованным определением общественного контроля. На наш взгляд, самым главным недостатком закрепленного в законодательстве определения является упущение/исключение индивидуального субъекта – гражданина. Хотя правовой доктриной этот субъект называется. В частности, кроме классического коллективного общественного контроля, представленного в виде взаимодействия институтов гражданского общества и органов власти, выделяют индивидуальный общественный контроль, главным субъектом которого является гражданин [Казаков, Евсиков, Беляткина, 2019, с. 11-19].

В самой ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ) упомянуты субъекты общественного контроля без видовой конкретизации. Но в ст. 9 рассматриваемого нормативного акта в числе таких субъектов перечислены общественные палаты различных уровней, общественные советы при органах власти, общественные наблюдательные комиссии, общественные инспекции, группы общественного контроля и иные организационные структуры общественного контроля. Таким образом, гражданин как индивидуальный субъект в законодательной норме не назван. Однако, если содержится определение общественного инспектора, как «гражданина, привлеченного на общественных началах для проведения общественной проверки»¹ (ч. 1 ст. 21 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ), то в ст. 9 указанного федерального закона необоснованно не указан гражданин как субъект общественного контроля. В этой связи, полагаем целесообразны восстановительно-законодательные корректировки. А именно, ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ изложить в следующей формулировке: «1. Под общественным контролем в настоящем Федеральном законе понимается деятельность *коллективных и индивидуальных* субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений».

Несмотря на сохраняющийся законодательный пробел, в свое время В.В. Гриб, справедливо заметил, что «нормативное закрепление является большим достижением в

¹ СЗ РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4213; 2024. № 1 (часть I). Ст. 64.

развитии института общественного контроля, поскольку отражает желание законодателя придать... институту полноценную правовую форму. С другой стороны, это определение все же не охватывает всей специфики исследуемого понятия и, как следствие, нуждается в существенной доработке»¹.

В связи с изложенным представляется, что дополнения требует ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ в следующей формулировке: «5) граждане Российской Федерации и иностранные граждане в установленных законом случаях». В последующей части работы нами будут даны пояснения предложенной формулировки.

Общественный контроль и сопоставимые правовые феномены

Полагаем, предложенное законодательное изменение внесет ясность и содержательную однозначность в доктринальный спор о соотношении понятий «общественный контроль» и «гражданский контроль». Ряд ученых считает, что эти «категории по своему содержанию являются тождественными» [Гончаров, 2010, с. 13]. На наш взгляд, категорию общественного контроля можно воспринимать содержательно более широкой, если к гражданскому контролю относить только индивидуальную контрольную деятельность граждан. Хотя в научной литературе настаивают на том, что «осуществление контроля непосредственно гражданином ввиду сугубо индивидуального характера такой деятельности должно носить название не гражданского, а личного контроля гражданина» [Лапшина, 2014].

В научной литературе излагается позиция, согласно которой «институты гражданского общества такие, как общественные объединения, негосударственные организации, отдельные граждане, являются основными субъектами, осуществляющими гражданский контроль» [Лапшина, 2014]. На наш взгляд, при таком подходе происходит подмена понятий: заменяют общественный контроль на гражданский, фактически с точки зрения субъектного состава, отождествляя их.

При этом отмечается, что «сам термин "гражданское общество" указывает на его связь с понятием "гражданин"» [Лапшина, 2014, с. 137], поскольку... «существование гражданского общества возможно только в условиях активного участия граждан в решении общих дел, их личностного и профессионально-производственного общения, единства экономических, политических и социально-культурных целей общества, наличия самостоятельных механизмов самоуправления, уважения к личности и оптимальных возможностей для ее самореализации» [Авакьян, 2005, с. 441].

Конечно, с приведенных позиций «восприятие общественного и гражданского контроля как равнозначных категорий является логически оправданным» [Лапшина, 2014, с. 137-142]. Подобное научное мнение подтверждается и тем, что гражданское общество определяют как «тип общественного устройства, отличительным признаком которого является реальная многосубъектность общественной, экономической, социальной, культурной и политической жизни» [Комарова, 2011]. В современном понимании «гражданское общество представляет собой комплекс общественных институтов, обеспечивающих возможности гражданам и их объединениям осуществлять свои интересы и инициативы в отношении деятельности органов государственной и муниципальной власти. Институты гражданского общества возникают во всех сферах общественной жизни, в связи с конкретными проблемами государства, региона, муниципального образования» [Кузнецова, 2015, с. 80-88].

Институты гражданского общества также дефинируют в качестве «действующих независимо от государства или при поддержке последнего общественные структуры (объединившиеся по социальному, профессиональному и другим признакам),

¹ Гриб В.В. Общественный контроль: учебник. М.: Юрист, 2017. С. 22.

деятельность которых, во-первых, порождает правоотношения, направленные на реализацию и защиту индивидами своих прав и свобод, решение общих задач в сфере экономики, культуры и других областях общественной жизни, во-вторых, способна влиять на государственные институты и ограждать людей от необоснованного вмешательства данных институтов в общественную жизнь» [Кирсанов, 2013, с. 78].

С учетом особенностей истории формирования в России гражданского общества независимость его институтов от государства все-таки ограничивается в некотором роде урегулированием со стороны последнего их статуса или его элементов. В частности, мы подразумеваем многочисленные универсальные и специальные законы. Значимой в рассматриваемом аспекте явилась конституционная норма п. «е. 1» ч. 1 ст. 114, которая в 2020 г. легализовала формулировку «институты гражданского общества».

В рамках нашей работы для исключения спорного аспекта юридической природы института общественных палат, представим критерий степени зависимости от государства (в части формирования субъектов общественного контроля или в части их финансирования), согласно которому выделяют автономные и зависимые субъекты [Михеева, 2017]. В числе последних специальные субъекты общественного контроля, формируемые основными субъектами и осуществляющие свои полномочия на общественных началах. Зависимые субъекты общественного контроля создаются полностью или частично и поддерживаются государством [Михеева, 2017]. В числе таких субъектов институции общественных палат различного уровня. Таким образом, общественные палаты в Российской Федерации относим к институтам гражданского общества зависимой разновидности.

Исходя из сказанного, считаем гражданское общество категорией, организационно характеризующей общество через граждан и институты гражданского общества, наличие которых не вызывает сомнения на доктринальном и прикладном уровнях.

В числе функций гражданского общества в России в юридической доктрине указывают контроль институтов гражданского общества над государственной властью [Кирсанов, 2013]. Уже приведенные нами положения Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ не дают в этом усомниться.

Проводя аналогию функций общественного контроля и государственного контроля, видим неизменную их реализацию через наблюдение. Однако законодательно цели определены именно для общественного контроля (цель, как параметр отграничения функции от подфункции). В их числе:

«1) обеспечение реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций;

2) обеспечение учета общественного мнения, предложений и рекомендаций граждан, общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций при принятии решений органами государственной власти, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными организациями, иными органами и организациями, осуществляющими в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия;

3) общественная оценка деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций»¹ (ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ).

¹ СЗ РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4213; 2024. № 1 (часть I). Ст. 64.

Наряду с положительной оценкой легализованной телеологии общественного контроля в юридической доктрине высказаны по этому аспекту и критические замечания. В частности, с позиции В.В. Гриба, «приведенные... цели являются промежуточными, а правовой смысл общественного контроля заключается не только в проверке фактического состояния объекта общественного контроля или фактического выполнения нормативных правовых актов, но и в практическом устранении нарушений, содержащихся в принятых решениях, устранении недостатков, выявленных в процессе контроля»¹. Полагаем, данное теоретическое дополнение существенным. Однако следует справедливо заметить, что институты гражданского общества не располагают собственными полномочиями для разрешения вопросов по существу. Именно исходя из этого представляются достаточными телеологические нормы Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ.

Заключение

В концептуально-теоретическом ключе, исходя из анализа приведенных легализованных и доктринальных положений, считаем наблюдение выступает подфункцией функции общественного контроля, которую, на наш взгляд, надлежит дефинировать как неотъемлемое направление деятельности граждан и институтов гражданского общества по наблюдению за субъектами единой системы публичной власти с целью установления в их решениях и действиях отклонений от законодательно определенных предписаний в различных сферах.

Полагаем, упорядочению многообразия теоретических подходов к интерпретации общественного контроля в юридической науке будет служить предложенное нами ранжирование выявленных подходов, поименованных нами в качестве комплексного, объектно-усеченного, субъектно-усеченного и коррекционного.

Список литературы

- Авакьян С.А. 2005. Конституционное право России. Т. 1. М., 863 с.
- Гончаров А.А. 2010. Гражданский контроль над органами власти. М., 221 с.
- Гончаров В.В., Ковалева Л.И. 2009. Об институтах общественного контроля исполнительной власти в Российской Федерации. *Власть*, 1: 72-75.
- Забралова О.С. 2012. Развитие общественного контроля в сфере деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 26 с.
- Зубарев С.М. 2011. Понятие и сущность общественного контроля за деятельностью государственных органов. *Административное право и процесс*, 5: 7-13.
- Казаков В.Н., Евсиков К.С., Беляткина К.А. 2017. Институт общественного контроля в Российской Федерации как элемент гражданского общества. *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*, 3-2: 22-30.
- Кирсанов А.Ю. 2013. Становление и историческое развитие гражданского общества. *Вестник Московского университета МВД России*, 2: 78-82.
- Комарова В.В. 2011. Формы непосредственной демократии в России. М.: Проспект, 142 с.
- Комкова Г.Н., Бердникова Е.В. 2019. Содержание объекта и предмета общественного контроля в Российской Федерации: теоретико-правовые вопросы. *Российское право: образование, практика, наука*, 4(112): 11-19. DOI: 10.34076/2410-2709-2019-4-11-19
- Кузнецова П.Ю. 2015. Участие институтов гражданского общества в общественном антикоррупционном контроле (российский опыт). *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право*, 4: 80-88.
- Лапшина А.И. 2014. Общественный контроль и иные институты контроля общества за деятельностью органов государственной власти. *Правовое государство: теория и практика*, 2(36): 137-142.

¹ Гриб В.В. Общественный контроль: учебник. М. : Юрист, 2017. С. 30-31.

- Мануйлов А.Е. 2016. Общественный контроль: некоторые доктринальные и нормативные аспекты. *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*, 6: 19-23.
- Михеева Т.Н. 2017. К вопросу о понимании общественного контроля. *Вестник Марийского государственного университета. серия: исторические науки. юридические науки*, 4(12): 77-84.
- Старчикова В.В. 2014. Общественный контроль в правовом государстве: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 27 с.
- Ушаков А.В. 2023. Теоретические и нормативно-правовые основы понятия и сущности общественного контроля в Российской Федерации. *Актуальные проблемы государства и права*, 2. Т. 7: 212-219. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-212-219>

References

- Avak'yan S.A. 2005. Constitutional law of Russia. Vol. 1. М., 863 p. (In Russian).
- Goncharov A.A. 2010. Civil control over the authorities. М., 221 p. (In Russian).
- Goncharov V.V., Kovaleva L.I. 2009. Ob institutah obshchestvennogo kontrolya ispolnitel'noj vlasti v Rossijskoj Federacii [About the institutions of public control of the executive power in the Russian Federation]. *Vlast'*, 1: 72-75.
- Zabralova O.S. 2012. Razvitie obshchestvennogo kontrolya v sfere deyatel'nosti organov ispolnitel'noj vlasti Rossijskoj Federacii [Development of public control in the sphere of activity of executive authorities of the Russian Federation]: abstract of the dissertation ... cand. jurid. Sciences. М., 26 p.
- Zubarev S.M. 2011. Ponyatie i sushchnost' obshchestvennogo kontrolya za deyatel'nost'yu gosudarstvennyh organov [The concept and essence of public control over the activities of state bodies]. *Administrativnoe pravo i process*, 5: 7-13.
- Kazakov V.N., Evsikov K.S., Belyatkina K.A. 2017. Institute of public control as a component of russian civil society. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 3-2: 22-30. (In Russian)
- Kirsanov A.YU. 2013. Formation and historical development of civil society. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2: 78-82.
- Komarova V.V. 2011. Formy neposredstvennoj demokratii v Rossii [Forms of direct democracy in Russia]. М., Publ. Prospekt, 142 p.
- Komkova G.N., Berdnikova E.V. 2019. The object and subject of public control in the russian federation: theoretical and legal issues. *Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 4(112): 11-19. (In Russian). DOI: 10.34076/2410-2709-2019-4-11-19
- Kuznetsova P.J. 2015. The participation of civil society institutions in public anti-corruption control (russian experience). *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura, istoriya, filosofiya, pravo*, 4: 80-88. (In Russian)
- Lapshina A.I. 2014. Public control and other institutions of society control over the state bodies activities. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2(36): 137-142. (In Russian)
- Manuilov A.E. 2016. Public control: a number of doctrinal and normative aspects. *Elektronnoe prilozhenie k «Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, 6: 19-23. (In Russian)
- Miheeva T.N. 2017. K voprosu o ponimanii obshchestvennogo kontrolya [On the issue of understanding public control]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoricheskie nauki. yuridicheskie nauki*, 4(12): 77-84.
- Starchikova V.V. 2014. Obshchestvennyj kontrol' v pravovom gosudarstve: teoretiko-pravovoe issledovanie [Public control in a State governed by the rule of law: a theoretical and legal study]: abstract of the dissertation ... cand. jurid. Sciences. М., 27 p.
- Ushakov A.V. 2023. Theoretical and regulatory foundations of the concept and essence of public control in the Russian Federation. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava*, 2(7): 212-219. (In Russian). <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-212-219>

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.05.2024

Поступила после рецензирования 16.06.2024

Принята к публикации 25.06.2024

Received May 02, 2024

Revised June 16, 2024

Accepted June 25, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киреев Кирилл Петрович, аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirill P. Kireev, postgraduate student of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.